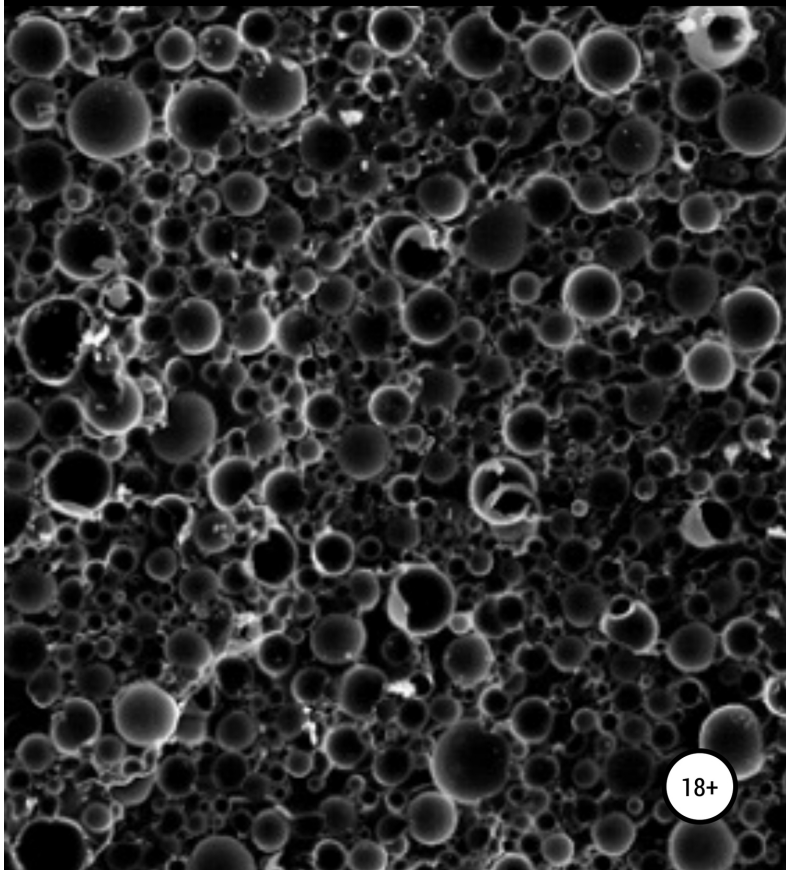

Ваня Кирпичиков

Некропена

18+

Ваня Кирпичиков

Некропена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49593150

SelfPub; 2020

Аннотация

Философские и мистические беседы о смысле жизни, о происхождении жизни, всего сущего. Тень одиночества, пессимизма, мизантропии. "Меня терзает счастливый вид некоторых людей, Вань. Им действительно радостно? Или...это восторженное опьянение от позора своего существования?".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Глава 1

В одном из многочисленных поселений шахтеров жил и смотрел по сторонам на мир Борис Ефимкин. Обитание его в потоке времени было скудное – подъем, переезд на шахту, добыча угля, возвращение, еда, сон и далее по кругу. В выходные дни Боря валялся на диване-одре с бутылкой кровавого вина в обнимку и мечтал о чем-то светлом. Но виды ненавистной шахты настолько сковали фантазии Бори, что мечты о радостях жизни почему-то упирались в тусклые потолки и гнетущие стены его комнаты в шахтерском общежитии. Бесцельно блуждая в лабиринтах своих неведомых желаний, Борька заглатывал винцо в свое дряблое, измученное жизнью, тельце и старался думать. Каждый глоток дешевого пойла уносил его в какие-то философские дебри. Мыслишки не изобиловали многогранностью, но он тщательно хранил их, оберегая от пришельцев. Пытаясь размышлять об окружающем, натывался на шлагбаумы логики и замирал в нелепом состоянии, близком к коматозному. Под вечер, обессилив от бессмысленных умозаключений и хорошо сдобренный алкогольными продуктами, засыпал под громкие рыдания или молитвы соседей.

Друзья к Борьке заглядывали тогда, когда он, уже измученный портвейном и тягостными раздумьями, мрачно

смотрел в их сторону остекленевшими глазами. Обращаясь к нему, они не получали никакого ответа и уходили восвояси, гонимые ненавистным взглядом Борьки. Вскоре Ефимкин лишился друзей. Их заменителем был божественный портвейн и думы обо всем сущем, коим в алкогольном бреде, он посвящал все свое свободное от черной шахты время.

Блаженное время для фантазий Борьки наступало во время его нахождения в шахтерском автобусе, на котором он ежедневно передвигался на шахту-конуру и обратно. Здесь, среди серой массы мужиков, угрюмо потупивших взоры, на Ефимкина находило вдохновение, и мысли текли как-то по-другому, чем в его комнатенке общаги.

Борька, обозревая застывшие монументы-саваны шахтеров, наполнялся философскими идеями. Смотря на каждого чернорабочего, Ефимкин представлял их внутренний мирочек. Пытался уловить их мысли, думы, события, произошедшие с ними, с их знакомыми. Он старался угадать их жизненные проблемки, их прошлое и надежды на какое-нибудь будущее. Весь этот жизненный объем-голограмму, крутившийся вокруг каждого из присутствующих в автобусе, Борис условно назвал пузырьком. В эту сферку входили интересики, желаньица, мечты и трагикомедии каждого индивидуума. Его прошлое, его знакомства, союзы с другими людьми, учеба в школе. Каждый был окружен своим личным пространством-пузырьком. Каждый существовал в своей оболочке-вакууме, отчуждаясь от других. Пузырек – это жизнь,

пребывание человечка.

Плотно располагаясь в авто, пузырьки шахтеров соприкасались друг с другом, образуя, по мнению Борьки, жизненную пену. Эта субстанция была однородна и каждый элемент пенки ничем не отличался от другого. Кажущаяся индивидуальность пузырька сглаживалась, событийные жизненные линии упрощались, усреднялись и уравнивались и поэтому пузырьки были одинаковы. Этакая пена заполняла пространство автобуса и мчалась в глубины земли, добывать-копать ненужный уголь. Кто-то выходил из транспорта, и тогда пенка становилась менее плотная. Когда же в авто набивался трудовой люд с блуждающим тяжелым взором, изнуренный своим бесцельным существованием, пена концентрировалась. Она перетекала в автобусе случайным способом. Человеческие пузырьки меняли точки соприкосновения, но общая масса была по-прежнему однообразна и безлика.

Не меняло ситуацию и присутствие в автобусе человека-пришельца из другого города. Он также представлял собой пузырь и вливался в общую массу пены, поглощаясь ей и растворяясь в ней, не оставляя надежды на зыбкую индивидуальность.

Весь род человеческий представлял собой пену.

Борька не отделял людей друг от друга, он мыслил их как единое целое некоего организма. Если кто-то умирал, то на месте пузырька на непродолжительное время образовывался вакуум, затем о человеке-пузырьке быстренько забывали, и

воздушная ткань-материя пены смыкалась, ничем не озабоченная и ничуть не расстроенная. Родственная связь пузырьков хоть и присутствовала, но была настолько слаба, что под могуществом пены рассыпалась, быстро разрывалась. Умершие растворялись в небытии, не оставляя следа. Существовала лишь незыблемая пена.

Борис, находясь в автобусе, представлял возможную гибель шахтеров в забое. Он понимал, что погибшие люди уже не зайдут в автобус и поэтому не будет их пузырьков. Но также знал, что пена стянет края других пузырьков в единое незыблемое полотно и мимолетная, мгновенная неоднородность, возникшая из-за отсутствующих, аннигилирует. Даже смерть-убыль большого количества людей никак не повлияет на пену. На больших пространствах она все равно останется однородной.

Память людей о соседствующих пропавших, погибших пузырьках коротка и быстро стирается. Она съедена и подвластна пене. Пенный организм не дает сцепиться накрепко пузырькам, рвет их временные соединения и союзы. Разрушается индивидуальность. Она противоречит самой идее пены. Это ее злейший враг. Пена борется с ней, превращая пузырьки-людей в бесчувственные клетки-атомы. Она непрерывна и жизнестойка. Любая индивидуальность и чувства пузырьков губительны для пенообразования.

Смысл существования пены заключается в ее наличии, в том, что она есть и все. Неоднородности в виде чувств

и стремлений, память и желания пузырьков противоречат пенной инженерии. Задача пены не дать угаснуть пенообразованию. Пузырьки должны плодить себе подобных. Каждая клетка-ячейка-пузырек должна быть одинакова. Тогда и только тогда пена будет жить.

Таков конструктор мира Борька таил в себе, каждый раз болтаясь в грязном шахтерском автобусе. В поездке он чувствовал себя уверенным и оптимистичным, спокойным и рассудительным. Эту философию он нежно хранил в себе.

В шахте он временно забывал про свою идею-образ мироустройства и предавался бесцельной долбежке горной породы, а в общаге – пьянству. Лишь изредка, лежа в грязной угольной воде в ванне и наблюдая за мутной пеной, он вспоминал о своем безумном мироукладе, придуманном в шахтерском катафалке. Водя рукой по пене и отделяя участки пены друг от друга, он воображал, как разделяет людей, отделяет их друг от друга и, возможно, кого-то губит. Некоторые участки пены в ванне уже не соединялись друг с другом, а некоторые через какое-то время вновь смыкались – это напоминало Боре людские судьбы горемычные, мечущиеся в жизненном колесе в вечных поисках чего-то им неизвестного. Сохраняя массу-объем, пена кочевала по ванне случайным образом, меняя свою структуру, плотность во времени – это виделось Борьке, как повороты судьбы и жизненные передрыги людей. Манипулируя пеной, Ефимкин чувствовал себя хозяином, властелином людей-пузырьков. Он

подолгу лежал в пенной массе, размышляя о своей теории. Она казалась ему правдоподобной и действенной. Борька почти уверовал в нее. Ведь нравы и отношения между людьми на шахте соответствовали идее пены – бесчувственные тела-зомби, работающие на шахте, задавленные скудным бытом и невидящие вокруг себя всех, представляли собой однородную массу биологических структур, безынтeресную и равнодушную, по инерции размножавшуюся и поддерживающую таким образом популяцию людей-пузырьков.

Пенная теория овладела Борькой и не давала ему покоя. Он любовался ей, восторгался ее простотой, красотой. И желал с кем-нибудь поделиться. Раскрыть себя и свое видение. Он искал в мрачных телах шахтеров своего слушателя, но сознание ему подсказывало, что не в этом слое надо искать единомышленника. Он пуст и безжизнен.

Глава 2

Борька надеялся на внутренний голос, и он ему указал неожиданно на бомжа, который валялся возле церковного забора.

Это существо здесь обитало давно. Оно не просто тут располагалось – оно чего-то периодически кричало и декларировало. Бомж в пьяном угаре иногда вставал, держась за изгородь, и держа Библию, пропагандировал христианские заповеди, моля о прощении у прохожих, рыдая и одновременно ругаясь. Юродствовал. Или лукавил. На следующий день он мог топтать ногой священное писание и визжать о всевластии Корана. Потом мог бормотать о собственной придуманной религии. Даже теории Дарвина нашлось место в его пьяных выступлениях. Он метался возле забора, хватал то Библию, то Коран, то какую-то книгу с формулами и пытался указать прихожанам истину, не совсем понятную даже ему. Затем от алкогольной одури умолкал и падал в грязь, рассыпая возле себя книги-транспаранты. Забытье прекращалось, когда выветривалось спиртное, и бомж вставал и просил милостыню, не обращая внимания на свою библиотеку, порванную и грязную.

В таком состоянии Борька застал своего будущего слушателя. Ефимкин подошел к бомжу и пытался раскрыть рот,

чтобы вымолвить слова знакомства, но гнусное тело, потусторонне посмотрев на Борьку, заставило его замолчать, указав мутными глазами на место возле себя, где стояла какая-то коробка.

Эта картонка всегда находилась возле бомжа. Он зазывал прохожих к себе и пытался их чем-то озадачить относительно коробки. Произносил первые слова ребуса, но народец быстро убегал от бомженка, и вопросы висли в воздухе, не дождавшись своего слушателя.

Вот и теперь, завидев Борьку, падший без лишних джентльменских па начал словесную атаку по поводу коробки, положив в нее кусок грязи и закрыв плотно крышкой:

– Скажи мне, дорогой, есть ли в коробке грязь?

– Конечно, да, – уверенно и удивленно ответил Ефимкин.

– А докажи это, не открывая коробки! – не унимался бомж.

– Ну...ну...а куда же она денется?! Она там и все. – сопротивлялся Борька, уже краснея. – Вот сейчас открою, и она там будет.

– Когда откроешь – будет, а когда коробка закрыта, будет ли там грязь? – продолжал бомж.

– Ну...ну...это и так понятно, что будет – ей деваться просто некуда.

– Все так уверены, но никто не может доказать наличие грязи, не открывая коробки. Так и в жизни – все явное принимается за истину, а кто или что формирует явное? – ре-

зюмировал бомж.

С этими словами он умолк, вопросительно взглянув на Борьку. Ефимкин пытался что-то возразить, но вышло у него как-то неуверенно. Он потупил свой взор, и его мысли поплыли куда-то в бесформенную бесконечность, цепляясь за какие-то догмы существующего парадоксального мира. Задача поставила его в тупик, и, весь взволнованный от открывшейся какой-то истины, Борька улетел в неведомые нереальности, а, вернувшись, загадочно посмотрел на вопрошающего и ощутил его родственной душой и единомышленником.

Проигнорировав вопрос бомжа, Ефимкин достал из кармана бутылку пива и стаканы. Налив в емкость хмельного, протянул бомжу:

– Вот. На. Глотни.

Когда смердящий пил напиток, Борька ему стал вещать свою пенную теорию. При этом периодически показывал на пену в стакане и сравнивал ее с людской пеной своего миропромышления. “Ванька-идиот”, а именно так звали бомжика, внимательно слушал речи, заглатывая в свою материю-утробу пену-бытие.

После окончания лекции Борька проникновенно взглянул на Ваньку, чтобы усмотреть в его глазах понимание. Бомж, наполнившись энергией, произнес:

– Ну...так оно и есть... Все понятно... Вот только откуда пена взялась? Она всегда была или ее к нам Кто-то занес?

Она есть сейчас. То уменьшается, то увеличивается. Но откуда она взялась? – повторял философски Ванька и продолжал задавать вопросы, то ли самому себе, то ли Боре. – А может она никогда бы не появилась? Вообще никогда. Прошли миллионы лет – жизни – пены нет, еще прошли миллионы – опять нет и так далее. Я к твоему удивлению такие вопросы себе задавал и вот что надумал, лежа здесь, на паперти – пена случайно оказалась у нас. Ну, вот, к примеру, видишь, собака пробежала, и из нее вывалился кусок говна. Собака и не ведала, скорее всего, что от нее что-то отвалилось и осталось лежать где-то. Она могла сюда вообще не забежать. Никогда. Но случайно оказалась тут, какнула и, оставив кусок своей жизнедеятельности или нежизнедеятельности, растворилась в пространстве. Вот Кто-то также, подобно собаке, случайно и бессознательно оставил здесь рассадку пены-кала, и она начала увеличиваться в размере, достигнув сегодняшних объемов. Этот Кто-то и не знает, что он обронил часть своей материи, и что она стала называться громким словом “цивилизация” или пеной, как ты ее называешь. Этот точно не заботился о ее содержании. Об оставленном куске Ему ничего неизвестно. Но как оказалось, эта отвалившаяся часть живуча и поддерживает популяцию пузырьков твоей пены, Борис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.